

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МЕХМАТСКОЙ ЖИЗНИ»

Предисловие к первой полной публикации романа в стихах «Евгений Неглинкин»

В начале 1939/40 учебного года два студента механико-математического факультета МГУ — Александр Штерн и Леонид Трудлер, сочинив пару весьма посредственных виршей для надобностей студенческих вечеринок (посредственность этих юмористических стихов ни для кого не была тайной, и для их авторов — в первую очередь), задумали стихотворно изобразить «энциклопедию мехматской жизни». В качестве прототипа (разумеется, абсолютно недостижимого) решено было взять «энциклопедию русской жизни», по определению В. Г. Белинского, т. е. «Евгения Онегина».

Писать мы стали на лекциях по политэкономии, которых никто не слушал — были соответствующие брошюры, — и лекциях по теории функций комплексного переменного, которые читал член-корр. АН СССР проф. И. И. Привалов. Лекции он читал хорошо, но ни на йоту не отступая от собственного учебника, а значит — уже умеющим учиться и сдавать экзамены третьекурсникам достаточно будет недели (пять дней на первое чтение его, два дня — на второе), чтобы сдать на «5». Наши случайные слушатели или читатели того времени упрекали нас иной раз, что, мол, мы посмели написать пародию на «Онегина». Мы же считали, что именно понимая все величие прототипа, никто не сочтет это пародией, ибо пародировать Пушкина невозможно — тому есть грустные примеры, а изображать Мосью, лающую на слона, совсем уж не хотелось. Нет, все написанное — не более чем шутка, в основе своей имевшая реальные события студенческой жизни нашего любимого, незабываемого мехмата.

С самого начала мы договорились, что автор у поэмы будет один — иначе всегда начинаются домыслы: кто же автор на самом деле, а кто «и». (Ильф «и» Петров или наоборот?) Мы считали, что каждый из нас составляет 30% автора, оставшиеся же 40% «набегают», когда мы пишем вдвоем — в данном случае каждый из нас должен был выступать нелицеприятным критиком другого, что очень ценно в работе непрофессионалов, склонных переоценивать результаты своих трудов. Так появился на свет божий «мэтр» Аллеон Труште. (Трагические обстоятельства сложились так, что мой соавтор погиб на фронте в 1944 г.)

В конце 60-х гг. академик А. Н. Колмогоров прочитал в аудитории Политехнического музея лекцию о приложениях математических методов к изучению законов стихосложения, в которой, в частности, в доказательство того, что формальное, так сказать, сочинение стихов — дело несложное, сослался и на наш «роман в стихах». Я, чудом попав на эту лекцию (видимо, помогли очки в золоченой оправе), послал ему записку, где подтверждал, что у нас была норма, а именно: одна лекция — одна строфа. Вместе с тем, писал я, по моему мнению, главное в изучении стихосложения — не какие-то общие закономерности, поддающиеся статистическому анализу, а конкретные вопросы — почему именно сказано: «Мой дядя самых честных правил», а не «добрых», «умных» или еще каких-то... А. Н. Колмогоров ответил на все посланные ему записки, кроме моей, что меня даже обидело, но потом выяснилось, что он передал мне через И. М. Яглома целое письмо, которое тот в свою очередь передал мне несколькими месяцами позже. Узнав от И. М. Яглома, что «Неглинкин» писался нами на лекциях И. И. Привалова, Андрей Николаевич сказал: «Правильно делали, на лекциях Привалова этим и следовало заниматься».

Теперь позволю сделать некоторые пояснения к тексту нашего романа в стихах.

- «Сияют краги...» Краги — своеобразные кожаные голенища сапог с продольным разрезом, застегиваемым пряжками, крючками или иным образом.
- Механико-математический факультет помещался на третьем этаже здания МГУ, расположенного перед Манежем.
- По Моховой улице в то время ходил трамвай («Полночный трамвай» — одно из упомянутых в начале шуточных стихотворений).
- Виктор Гусев и Иосиф Уткин — известные поэты советского времени, очень тогда популярные.
- Гаврила — мастер спорта Г. Н. Коробков, в дальнейшем — государственный тренер СССР по легкой атлетике. Умер около 1970 г.
- В тексте перечислены предметы, преподававшиеся на мехмате: «дифуры» — дифференциальные уравнения, ТФКП — теория функций комплексного переменного, анализ — курс математического анализа.
- *Гурса Э.* Курс анализа. Т. 1. Ч. 1. М., 1936.

А. Г. Штерн

АЛЛЕОН ТРУШТЕ

ЕВГЕНИЙ НЕГЛИНКИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не хочу учиться — хочу жениться.

Д. И. Фонвизин. «Недоросль»

Умри, Денис, — лучше не напишешь.

Автор

I

Горит восток зарею новой,
Звенит будильник полчаса,
Сыр коркою своей багровой
Ласкает взор. И колбаса,
Глазами сальными сверкая,
Как одалиска молодая,
На блюде томно возлежит,
Гурмана взор к себе манит.
О, колбаса, еда студента!
Едина ты питаешь нас,
Порой сочна, как ананас,
Порою тверже монумента,
Тобой лишь дышит и живет
Студентов радостный народ.

II

Но молодой герой поэмы
Вставать не торопился. Он
Любил поспать, как любим все мы.
Докучный отгоняя звон,
Глаза в томленье закрывает,
Как вдруг (о, ужас!) возникает
Сквозь безмятежных грез туман
Виденье ада — зам. декан!
Сияют краги желтым блеском,
Рукою твердой он как раз
Ужасный подписал приказ.
И искры рассыпают с треском
Его орлиные глаза...
Он весь, как божия гроза!

III

Герой, что сделалось с тобою?
Где безмятежной лени вид?
Как бы холодной водою
Внезапно бедный был облит.
Вскочил с постели, вмиг оделся,
Умылся и за стол уселся,
Не замечая ничего:
Декан ведь смотрит на него!
И утро все герой наш бедный,
Куда бы взор ни обращал,
И что б ни делал, все витал
Над ним декана призраком бледный.
Так, коршуна завидя тень,
Наседка мечется весь день.

IV

Шумит, гремит трамвай московский,
От крика стекла дребезжат,
И долго шума отголоски
За ним по улице летят.
Но кто всех яростней дерется?
Чей глас всех громче раздается?
То горемычный наш герой,
Висит, держась одной рукой.
Друзья «Полношного трамвая»!
Пока он там шумит, орет,
(Хотя билета не берет),
Томить вас доле не желая,
Без промедленья, сей же час,
С героем познакомим вас.

V

Неглинкин, добрый наш приятель,
Мехматской нивы яркий цвет,
Гурса, Привалова читатель,
Танцор, отличник и поэт,
Был москвичом. Из школы средней
Унес он, кончив класс последний,
Свой аттестат, новейший блюз,
Да слабых знаний легкий груз.
Он по-немецки еле-еле
Мог изъясняться и писать,
Мог старосте невинно лгать,
Прогуливая на неделе.
Чего ж еще! Мехмат нашел,
Что он вполне нам подошел.

VI

К безделью приучившись в школе,
Он здесь себя не утруждал,
Во время лекции на воле
По коридорам он гулял
С лицом задумчивым и нежным.
Когда ж прогульщикам мятежным
Пришла тяжелая пора,
И грозные выговора
Посыпались, худого слова
Не молвив, он на задний ряд,
Придя, сядил и подряд
Читал Бальзака и Баркова,
Спинозу, Гусева, Мюссе* —
Ему любезны были все.

* Вариант: Спинозу, Уткина, Мюссе.

VII

Неглинкин был в глазах доцентов
Неглупый малый, но ленив.
Он чтит профессоров. Студентов,
В них нрав беспечный оценив,
Считал он верными друзьями
И часто, часто вечерами
В пивной с компанией сидел,
И пиво пил, и раков ел.
Не избегая наслаждений,
Там часто сиживал и я,
Да слабо пиво для меня.
Но в чем он истинный был гений,
К чему стремился вновь и вновь,
Была, друзья мои, любовь.

VIII

Одетый как московский *dandy*
(иль современнее *rijon*),
Он вел поить дешевым бренди
Наивных дев иль страстных жен.
Любил в фривольном разговоре
С лукавством тайным в томном взоре
Коснуться будто невзначай

Высокой груди иль плеча.
Никто, как он, не мог умело,
С ученым видом знатока
Погладить ножку иль бока,
Последний страх развеять смело
И... Но нескромен разговор,
стыдливо мы потупим взор.

IX

Однако долго мы болтали,
Куранты бьют девятый раз,
Пока мы тут вам рисовали
Портрет героя без прикрас.
Трамвай по Моховой тащился,
Евгений в нетерпении злился
И подтолкнуть желал бы он
Ползуший медленно вагон,
Но вот и дом голубоватый,
Евгений на часы глядит —
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Легит Шершевскою гранатой,
И, щедро рассыпая мат,
Взлетел Неглинкин на мехмат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Данте. «Божественная комедия», ч. 1

I

Звенит звонок. Толпой нестройной
Студенты медленно бредут
К дверям. Прогульщик беспокойный,
Презрев учебы славный труд,
Всех встречных на пути толкая,
Летит, как серна молодая,
По длинной лестнице в буфет,
Желая свой запутать след.
Так вор, в боязни жесткой таски,
Скрав чемодан, скорей идет
На площадь, где кишит народ,
И там гуляет без опаски.
Не поступай, читатель, так,
Когда ты сам себе не враг.

II

Еще один, еще — с дифуров,
С анализа, с ТФКП
Бегут оне. Кто раб амуров,
Кто устремляется к толпе,
Буфет набившей. Тяжкой тучей
Отряды вольницы летучей,
У стойки яростно крича,
Ножами рубятся сплеча —
То бой идет за ложки чайны,
Там, жадный разевав рот,
Рвут два студента бутерброд,
Тот, завтрак получив случайно,
Не прожевав, глотает вдруг,
Пока не вырвали из рук.

III

Но возвратимся вновь к герою.
Вон, словно туча саранчи,
Рой опоздавших мчит стрелою.
Меж них Неглинкин. Проскочив
Пред носом лектора, садится
И вид принять ученый тщится,
Но безуспешно. Он попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.
Еще в глазах горит отвага,
Угроза в сжатом кулаке,
А уж перо дрожит в руке.
Уж перед ним лежит бумага,
Он чертит сложных формул тьму,
Не понимая, что к чему.

IV

Но скоро чувства в нем остыли,
Он стал рассеянной писать,
Ему дурным примером были
Соседи. Он закрыл тетрадь,
На стуле томно растянулся,
Взглянул на доску, усмехнулся,
На лектора рукой махнул,
Отворотился и вздохнул,
И молвил: «Всех пера на смену.
Науки долго я терпел,
Но и анализ надоел».
Хандру свою обыкновенну
Почуял вновь. Зевнув, он стал
Осматривать знакомый зал.

VIII

Прекрасный зал (он был построен
 Во вкусе русской старины)
 Высокой чести удостоен:
 Мехмата гордые сыны
 За потрясенными столами
 Сидят нестройными рядами,
 Иные на доску глядят,
 Иные весело галдят,
 Неглинкин смотрит: вон Гаврила,
 Сидит, как идол недвижим,
 А подмастерья перед ним,
 Как бы мартышки пред гориллой,
 Кишат. От скуки он зевнет
 И бицепс щупать им дает.

VI

Вон у окна, смотря направо,
 Он видит, грозный, как утес,
 Стоит недвижно, величаво
 Поросший мохом длинный нос:
 Под носа благодатной сенью,
 Объяты негою и ленью,
 Спят три студента. Ветерок
 Из носа веет. Весь урок
 Они невинно почивают,
 И лектора орлиный взор,
 И близ сидящих разговор
 Счастливец сих не достигают,
 А к носу прочно прикреплен
 Шершевский — удалой спортсмен.

VII

Такой прекрасный нос имея,
 Умом он скромным обладал,
 Он не читал Хемингуэя,
 Зато «Повольников» читал.
 Не люди рядом с ним сидели —
 Лежали тяжкие гантели,
 Гранаты, ядра... Но спортсмен
 Был очень сильно удручен,
 Что прыгнул только на полметра.
 Ведь год прошел уже сполна,
 Как он гантель на ремена
 Взял, бросив циркуль геометра,
 Чтоб нормы сдать на ГТО,
 А все не сдал он ничего!

Он пред студенческой толпой
 Небрежно бросил свысока:
 Пройдет два месяца — звездой
 На отвороте пиджака
 Блеснет значок. Студенты робко,
 Но все же спорили. «Коробку
 Конфет иль пиво ставлю я!»
 «Что ж, принимаем». — «Ну, моя
 Победа будет», и без счета
 Он начал заключать пари,
 И скоро кружек сотни три
 Набралось. Бодро за работу
 Нелегкую принялся он
 И ездить стал на стадион.

IX

Так год прошел. Но результаты...
 О них и говорить смешно,
 А обнаглевшие ребята
 Уж пиво требуют давно.
 Но нос свой он высоко носит,
 Лишь на два дня отсрочки просит
 И обвинять во всем готов
 Своих ленивых тренеров.
 Евгений обратился к Саше:
 «Я слышал, ты все нормы сдал,
 Мне это Гаврик рассказал.
 А может, пиво будет наше?»
 «Слабец», — Шершевский отвечал
 И длинным носом покачал...

X

Но почему, — читатель спросит, —
 О юных девах слова нет?
 Где пол прекрасный? Он приносит
 Нам столько радостей и бед,
 Так отчето же из поэмы,
 Которую с восторгом все мы
 Читаем, не глядит на нас
 Лукавство темнокарих глаз?
 Сказать по правде, мы робеем
 Петь деликатный сей предмет,
 Но коль пути иного нет, —
 Что ж, мы напишем, как умеем,
 Пока ж главе приходит срок,
 Тем более — звенит звонок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Люблю тебя, Петра творенье!

*Из шуточного послания А. С. Пушкина
 к А. П. Керн*

I

Как звать ее: Марусей? Анной?
 Ба! Таней! — именем таким
 Страницы нашего романа
 Не первые мы освятим.
 Оно приятно, очень звучно,
 И с ним, конечно, неразлучны
 Печальный нрав и томный вид,

Зелено-желтый цвет ланит,
 Простуда при любой погоде,
 Трех нянь докучливый надзор,
 Роман Жанлюс и прочий вздор,
 Но ныне это все не в моде,
 И девушка в наш юный век
 Вполне нормальный человек.

II

Итак, она звалась Татьяной.
 Ее восторженный поэт
 Сравнить решил бы с Дианой —
 И алых губок яркий цвет,
 И глаз лазурное сиянье,
 И томной груди трепетанье —
 Все взоры привлекало к ней.
 Она была всего милей,
 Когда на лекции сидела
 И, чуть головку наклонив,
 Спеша писала вкось и вкривь,
 Меж тем, как вокруг нее гудела
 Толпа студентов. Как пчела,
 Она прилежная была.

III

Неглинкин стройностию стана
 И блеском хладного ума
 Мечты невинные Татьяны
 Смutil. Не ведая сама,
 Она уже его любила,
 Когда, стыдясь себя, следила
 Из-под опущенных ресниц,
 Как между тривиальных лиц
 Явился бледный лик героя,
 Такой изящный и простой.
 И вот в ней сердце молодое
 Забилось бурно, и само
 Ей шепчет нежное письмо.

IV

Письмо Татьяны предо мною,
 Вот я в руках его держу,
 Читаю с тайною тоскою,
 Но Вам его не покажу —
 Вам не понять ни юный трепет,
 Ни свежих чувств невинный лепет,
 Сердечных мук, огня в крови, —
 Вам не понять ее любви!
 Как тонко мысль ее являла
 Себя среди неровных строк,
 Как был изящен нервный слог,
 Когда она к нему писала
 И предлагала щедрый дар:
 Конспект и сердца первый жар.

V

Неглинкин, кавалер умелый,
 Видавший виды ловелас,
 Конверты с надписью несмелой
 Вскрывал уверенно не раз.
 И Тани милое посланье
 Его усталое вниманье
 Не приковало. Даже взять
 Он отказался и тетрадь,
 Решив: «Какого черта, право,
 Зачем же бабья мне мазня,
 Ведь не умней она меня,
 И без конспекта сдам на славу».
 И вот, когда звонок запел,
 К Татьяне наш герой подсел.

VI

И молвил: «Вы ко мне писали,
 Я очень тронут и польщен,
 Но, понимаете, едва ли
 Для чувств высоких я рожден.
 А что касается тетради —
 Зачем она? Потехи ради...
 Ведь я анализ не учу
 И заниматься не хочу».
 «Ах, Женя, — Таня отвечала,
 Печально голову склоняя, —
 Пускай не любишь ты меня,
 Но чем тетрадь тебе мешала!?
 Вчера вот у доски не взял
 Ты очень легкий интеграл».

VII

«Быть можно дельным человеком
 И интегралы не решать.
 К чему напрасно спорить с веком,
 Зачем других опережать?
 Мне опротивели науки,
 Меня тошнит от этой скуки,
 На что конспект ты мне суешь?
 Ему цена-то — медный грош.
 Пусть знания мои хромают,
 Но погоди, придет зима,
 И убедишься ты сама,
 Какя "отлично" нахватаю».
 И, бросивши тетрадь на стол,
 В пивную наш герой пошел.

VIII

Едва дыша от оскорбления,
 Как мрамор критский побледнев,
 Внимала Таня без движенья,
 Едва свой сдерживая гнев,
 Евгения обидной речи.
 Лишь тихо вздрагивали плечи,
 И непослушная слеза
 Слегка туманила глаза.
 Когда ж Евгений удалился,
 Она склонилась к рукам,
 И сразу по ее щекам
 Поток алмазный покатился,
 Любви и горечи полна,
 Так долго плакала она.

IX

А наш герой, собой довольный,
 Надев потертый редингот,
 Вдоль по Тверской походкой вольной
 В бар, что на Пушкинской, идет.
 И там за кружкою пивною,
 Компаньей окружен хмельною,
 Он с легким смехом рассказал,
 Как ловко Таню отчитал.
 Теперь ты видишь, мой читатель,
 Герой наш поступил как хам,
 Его за то ругал я сам,
 И мне он больше не приятель,
 Мне тошно про него писать,
 К тому ж и песнь пора кончать...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На экзаменах глупцы предлагают вопросы, на которые мудрецы не могут ответить.

Оскар Уайльд

Все студенты обязаны сдавать экзамены за полный курс прослушанных предметов.

Из зачетной книжки

I

Зима. Студенты, нос повесив,
В читальню обновляют путь.
По градам вольным и по всеям
Молва: «Экзамены грядут».
И лишь известье прокатилось,
Все громко вдруг зашевелилось,
Повсюду суета и шум...
Студент становится утром,
Теряет аппетит, веселье,
Забросил книги и кино,
Небрит, нечесан он давно.
Прощай, привычное безделье,
Проголов тайных тишина —
Пришли худые времена...

II

Теперь он, вставши спозаранку
(А как хотелось бы поспать),
Мчит, на ходу жуя баранку,
За книгой очередь занять.
Рукав засучивая, франты,
Чихая, тянут фолианты
Из-под постели, где зазря
Они валялись с сентября.
По залам бродит люд печальный:
Во МХАТе легче кресло взять,
Чем стул свободный отыскать
В набитой до краев читальне.
Там тяжкий гул и тяжкий дух,
Чтоб не уснуть, все зубрят вслух.

III

И я свои младые лета
В читальне славной проводил...
Ах, много кануло их в Лету,
Веселых дней; но все мне мил
Страниц шуршащих шелест нежный,
Когда, рукой чертя прилежной
По белым девственным листам,
До вечера сидел я там.
Как лобы мне твои чернилы,
Зеленый свет твоих лампад!
Студентки юныя сидят,
Головку наклонивши мило,
Над желтым томиком Гурса
И нежной ручкой волоса

IV

Чуть поправляют. Здесь впервые
Мою Адель я увидел.
Любви восторги молодые

Я здесь впервые узнавал.
Я помню вечер. Наши взоры
Скрестились как-то. Разговоры
Сперва случайно начались,
Но между тем мы увлеклись
И полюбили. О, как сладко
Мне было, когда я ей взял,
Смущаясь, первый интеграл!
Я до сих пор из той тетрадки
Храню поблекшие листы...
О, с кем теперь решаешь ты?

V

Но полно сердца жар напрасный
Воспоминаям растравлять.
Вперед же, мой рассказ несвязный!
Теперь хочу я описать
В зеленой глубине читальни
Забывтый всеми угол дальний,
Где мой Евгений за столом
Сидит с измученным лицом.
С утра он ворох книг листает,
То чертит чисел длинный ряд,
То пишет формулы подряд
И ничего не понимает...
Разочарованный и злой
Идет в одиннадцать домой.

VI

Нет, поздно! Видит мой Евгений,
Что времени остаток мал,
И хоть по-прежнему в свой гений
Он верить не переставал,
Хотя он был все в той же мере
В своих способностях уверен,
И гордость ложная ему
Досель с вопросом ни к кому
Не позволяла обратиться,
Теперь он с болью осознал:
«Конспект — иль завтра я пропал!»
И уж по лестнице он мчится,
Не устая повторять:
«Тетрадь! Полцарства за тетрадь!»

VII

Вы догадались уж заране,
Куда помчался наш герой:
К ней, к ней — к отвергнутой Татьяне!
Смотри, не поздно ль, милый мой?
Не без жестоких колебаний,
Мучений, гордости, страданий,
Себя переборовши, он

Пришел к Татьяне на поклон.
И вот с поникшею главою
Он перед Танею стоит
И, запинаясь, говорит:
«Да, виноват я пред тобою,
Был груб и низок мой ответ,
Я знаю, мне прощенья нет.

VIII

Но ты своей душою чуткой
Должна простить, должна понять.
Спаси меня из бездны жуткой.
Верни мне жизнь — дай мне тетрадь!»
Татьяна холодно внимала
Ему и с болью вспоминала
Те дни, когда была она
В такого типа влюблена.
Потом промолвила сурово:
«Теперь иные времена,
И мне самой тетрадь нужна!»
И больше не сказав ни слова,
С поднятой гордо головой
Ушла. Остался наш герой...

IX

Ушла последняя надежда,
И лик грядущего суров:
Стоит беспомощный неведжда
Перед толпой профессоров.
Теперь на их проспекте праздник!
Кричат: «Попался, безобразник!
Ужо, разбойник, будешь знать,
Как нам на лекциях мешать!
А ну, возьмем его в работу!»
Тут гул по всей толпе прошел,
И тащат длинный черный кол.
Евгений вскрикнул и по поту,
Покрывшему его главу,
Узнал, что бредит наяву.

X

Я вижу — вам героя жалко.
Экзамен завтра — он пропал?
Не тут-то было! Он шпаргалку
Всю ночь до утра составлял.
Пусть утром казнь. Вновь без боязни
Он мыслит об ужасной казни.
Шпаргалка вышла хороша!
О, как поет его душа,
Когда трепещут под руками
Два листика, куда вписал
Он многих лекций матерьял

Миниатюрными знаками!
И, спрятав бережно на грудь
Шпаргалку, он пустился в путь.

XI

Идет, на мертвеца похожий,
Вдаль устремив застывший взгляд,
И долго встреченный прохожий
Глядит испуганно назад.
Бежавшая спокойно кошка,
Которой лапу он немножко
Носком тяжелым придавил,
Кричит из всех кошачьих сил.
Евгений их не замечает.
Он, бледный словно полотно,
Губами бледными одно
Определенье повторяет:
«Двух уравнений результат
Особый есть детерминант».

XII

Но вот мехмат. Евгений мнется,
В замочку скважину глядит,
Вздохнув, рукой за дверь берется
И в залу входит. Страшный вид!
Доцент, профессор — колет, режет,
Вой, крики, плач, зубовой скрежет,
Пытаемых студентов стон —
И смерть и ад со всех сторон.
Нет, не могу, кладу перо я.
Чтоб описать кровавый пир,
Потребен минимум Омир.
Смутилось в голове героя,
Нетвердо он шагнул вперед —
Миг — и задание берет.

XIII

Заданье взято — жребий брошен.
Евгений вновь душой вызыграл.
Нимало он не огорошен
Тем, что ни капли не понял
Сей теоремы. Оглянувшись
И низко над столом нагнувшись,
Шпаргалку ловко он достал
И пишет... Вдруг пред ним предстал
Профессор в гневе величавом...
Но здесь героя моего
В минуту злую для него
Я оставляю. Он со славой,
С позором кончил ли — как знать!
Мне завтра самому сдавать.